

литературное
НОВО
обозрение

1992 №1

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)

Кирилл Постутенко (теория)

Сергей Панов (история)

Татьяна Михайловская (практика)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)

Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)

Галина Белая (Москва)

Вадим Вацуфо (Петербург)

Михаил Гаспаров (Москва)

Александр Жолковский (Лос-Анджелес)

Андрей Зорин (Москва)

Александр Лавров (Петербург)

Джон Малмстад (Кэмбридж, Массачусетс)

Александр Ошоват (Москва/ Лос-Анджелес)

Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)

Игорь Смирнов (Констанц/ Мюнхен)

Роман Тименчик (Иерусалим)

Евгений Тоддес (Рига)

Александр Чудаков (Москва)

МОСКВА

В. Вацуро

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

Всякий, кому приходилось держать в руках научные собрания сочинений классиков, без сомнения, обращал внимание на особый раздел, которым заключается том чаще всего статей или стихотворений. Это — раздел «Приписываемое» или «Dubia» (сомнительные). Это произведения, авторство которых не доказано с полной определенностью, — например, автографом или прямыми указаниями автора или ближайших к нему лиц, — но подтверждается достаточным числом косвенных данных. На протяжении всей истории издания и изучения классиков этот «пограничный» отдел не исчезал, но менялся в своем составе, ибо нельзя полностью примирить стремление к полноте и стремление к достоверности, и ни один издатель не может пренебречь косвенными свидетельствами. Методика же их анализа уже выросла в особую вспомогательную научную дисциплину, требующую от филолога скрупулезного изучения не только творчества писателя, но и его литературной среды.

Все это ближайшим образом относится к изданию Пушкина и к той частной проблеме, о которой далее пойдет речь.

1

Еще в середине прошлого века в нескольких рукописных сборниках, довольно авторитетных по своему происхождению и содержащих не изданные в то время пушкинские стихи (сборник В. П. Гаевского, П. Я. Дашкова, копии 1850—1860-х годов в несохранившейся тетради Н. А. Долгорукова, М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого и др.), появилось с именем Пушкина и датой «1814» стихотворение под названием «Цель нашей жизни». Оно было впервые опубликовано в 1876 г. Об этом стихотворении знал еще П. В. Анненков, издавший в 1855—1857 гг. первое научное собрание сочинений Пушкина; знал, но отверг его, как и несколько других, ходивших по рукам с именем Пушкина. Н. В. Гербель, издавая в Берлине «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», также исключил эти стихи. «Анненковым положительно доказано, — писал он, — что стихотворения «Цель нашей жизни», «Гараль и Гальвина», «Не помнишь ли ты, ваше благородье» и «Песнь черкеса» («Седлайся вновь, конь верный мой!..») также не принадлежат Пушкину...»¹

Суждение Гербеля было, однако, оспорено, причем оппонентом весьма авторитетным. Им был старик П. А. Вяземский, внимательно следивший за новыми публикациями Пушкина. Просматривая второе издание гербелевского сборника, он пометил на полях: «Решительно Пушкина. Он мне их читал»².

Вяземский, по-видимому, был не единственным, кто возражал Гербелю, и тот если и не изменил своего мнения полностью, то был в нем поколеблен. В 1876 г. он опубликовал в «Русском архиве» «Цель нашей жизни» вместе с балладой «Гараль и Гальвина», сославшись на противоречивые свидетельства об авторстве этих

1 Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. 2-е изд. Берлин, 1870. С. IX

2 Старина и новизна. Кн. VIII. М., 1904. С. 33.

стихов и предоставляя «критике» окончательное решение этого вопроса¹.

Уже первым читателям «Цели человеческой жизни» было понятно, что эти стихи подражательные, ученические, написанные как поэтическая иллюстрация на заданную тему. Движение мысли сочинителя элементарно и прозрачно; оно подчинено законам школьной риторики. Первые четыре строфы, с анафорическими зачинами и нарастанием, представляют собою серию ораторских вопросов-обращений, долженствующих обличить «любимца Божества», забывшего о своем высоком предназначении. Примеры «постыдных целей» — кровопролитные войны (с явным намеком на Наполеона, который «с весельем адским нес народам смерть и брань»), роскошь сибарита и алчность богача:

На толь во глубине сибирских снежных гор
И злато, и серебро рождаются покрыты,
Чтоб ими услаждал таинственный свой взор
Скупец, богатствами не сытый?

Здесь ритор останавливается, чтобы воззвать к «сыну небес» и обратить его на праведный путь. Под пером его возникают идиллические картины, иллюстрирующие идеи предустановленной гармонии, антропоцентризма и телеологии:

Возри: то солнца луч румянит небеса,
То в легких облаках плывет луна золотая,
Рождается в полях весенняя краса,
Алеет роза молодая.
Таится под травой прохлада ручейка,
И в кистях виноград на холмах золотится,
И тихо зыблемый дыханьем ветерка,
По нивам желтый клас струится.
Все для тебя! Срывай блаженством жизни цвет,
Дарами высшего спокойно наслаждаясь;
Сей мир не есть юдоль злосчастия и бед,
Счастливым будь, не заблуждаясь.

Понимание гармонии мира — залог счастья. Отсюда следует моралистический вывод: вера в благодать Божества и строгое соблюдение своего общественного назначения, согласно с ним, и есть, собственно, «цель жизни человеческой», выполнение которой — залог будущего блаженства:

Всех благ источника вовек не забывай,
Чти правду и закон, содействуй благу света,—
Тогда без трепета оставишь тленья край
И в мгле померкнешь для рассвета!

Эти стихи и напечатал Гербель в «Русском архиве» в 1876 г., но, несмотря на его призывы, критика не спешила установить их авторство,— пока наконец, через семьдесят пять лет, к ним не обратился известный исследователь и источниковед В. В. Данилов, попытавшийся обосновать гипотезу о принадлежности их Пушкину².

2

В. В. Данилов занимался в 1940-е годы изучением и описанием лицейских документов и обратил внимание на то, что не могли

1 Русский архив. 1876. № 10. С. 206—208.

2 Данилов В. В. Стихотворение «Цель нашей жизни», приписываемое Пушкину.— Пушкин. Исследования и материалы: Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 298—313.

заметить его предшественники. «О цели жизни человеческой» — это была тема, заданная в 1814 г. лицеистам первого выпуска профессором Н. Ф. Кошанским для самостоятельной разработки. В лицейских бумагах сохранилось сочинение М. А. Корфа¹ и стихотворение В. К. Кюхельбекера «Бессмертие есть цель жизни человеческой»². Наконец давно уже было известно письмо А. Д. Илличевского к приятелю его П. Н. Фуссу от 25 февраля 1815 г., где Илличевский рассказывал о публичном экзамене в Лицее: «Хотелось мне прочесть стихотворение «Весенний вечер», но приказано — прозаическое рассуждение «О цели человеческой жизни», которого теперь нет у меня!»³ Итак, Илличевский также выполнил задание Кошанского.

Разыскания Данилова с неопровержимостью установили важный факт: стихотворение вышло из лицейской среды и относится к 1814 г. Дата в сборниках была абсолютно точной.

Указание на возможное авторство Пушкина получало в свою пользу сильный довод.

Число лицейских поэтов было ограничено. Начиная действовать метод исключения.

Данилов исключил Кюхельбекера, написавшего на эту тему другое стихотворение, Илличевского — автора «рассуждения» в прозе, а также Дельвига, которому принадлежало стихотворение на близкую тему. Вероятность авторства Пушкина возрастала все более. Прямое свидетельство Вяземского, приведенное Даниловым, также было для него серьезным аргументом. Наконец, исследователь произвел и стилистический анализ стихотворения, обнаружив в нем поэтические формулы и языковые особенности, встречающиеся в лицейских стихах Пушкина.

Такой, например, была возвратная форма глагола «изрыть», которую мы находим в «Цели нашей жизни» («для рыб изрылись вод пучины») и в одновременно написанной «Эвлоге» Пушкина («Пещеры в нем изрылась глубина»). «Струящиеся» хлебные колосья в приведенном нами отрывке принадлежали к той же системе метафорического языка, что и строка «И завес рощицы струится» в пушкинском «Послании к Юдину» (1815). В связи со строкой «Алеет роза молодая» исследователь вспомнил стих «Розы юные алеют...» в «Гробе Анакреона» (1815), а рядом стоящая строка «...солнца луч румянит небеса» находила близкое соответствие в «Фавне и пастушке» (1816): «И тихая денница// Румянит небеса». Данилов обратил внимание и на четверостишие о скупце и подземных богатствах «сибирских снежных гор»: здесь естественно приходили на память стихи «Во глубине сибирских руд» и центральная тема «Скупого рыцаря».

В. В. Данилов учитывал при этом, что в целом язык ученического сочинения столь же внеиндивидуален, как и его идеи, и что оно включает услышанные и прочитанные формулы. Так, многое в нем навеяно фразеологией лекций Кошанского и А. И. Куницына и учебными текстами, вплоть до латинской грамматики Кошанско-

1 Из материалов пушкинского Лицея. Публ. Н. Н. Петруниной. — Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 335—337.

2 Кюхельбекер В. К. Избр. произведения в 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 65—69.

3 Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги первого курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 48.

го: «Земля с прочими элементами: огнем, воздухом и водою создана для людей», чей разум «проникает в самое небо». Эта наивная телеология отразилась в стихах «природа вся тебе приносит дань, // И суша, и моря, и огонь тебе послушны». К лекциям же Куницына по теории естественного права и общественного договора исследователь возводил заключительные строки «Цели нашей жизни» — и мысль их, и формулы были повторены и в других сочинениях лицеистов, а в «Ирине» А. Д. Илличевского почти буквально: «Трудом и ревностью *содействуй благу света*» (курсив мой.— В. В.). Наконец, у стихотворения были и чисто литературные модели — прежде всего сочинения Державина. Эти два наблюдения нам следует запомнить: они нам вскоре понадобятся.

Работа Данилова была компетентным, тонким и внимательным анализом спорного текста. Конечный вывод его — о принадлежности стихотворения Пушкину — правда, убедил не всех. На III Пушкинской конференции, где Данилов прочел свой доклад, он вызвал возражения, а при публикации его статьи в «Трудах» конференции редколлегия сделала примечание, что гипотеза «не является бесспорной и требует дальнейшего обсуждения»¹. Однако она нашла и в высшей степени авторитетных сторонников среди пушкинистов, и Б. В. Томашевский включил «Цель нашей жизни» в десятитомное, так называемое «малое академическое», издание под своей редакцией — разумеется, как «приписываемое». Затем эти стихи ушли из поля зрения исследователей. Нюжды нового академического издания Пушкина, готовящегося ныне, заставляют вновь обратить на него внимание.

3

Прежде чем заняться самим стихотворением, нам следует подвергнуть анализу некоторые внешние основания его атрибутирования. Здесь сразу же приходится отвести свидетельство Вяземского. Из всех перечисленных Гербелем стихотворений — «Цель нашей жизни», «Гараль и Гальвина», «Не помнишь ли ты, ваше благородье», «Песнь черкеса» — слова Вяземского «Решительно Пушкин. Он мне их читал» — могут относиться лишь к третьему, к «Рефутации г-на Беранжера», написанной, по-видимому, в 1827 г. Трудно представить себе, чтобы Пушкин стал читать Вяземскому свои полудетские стихи (даже если признать, что это его стихи), и уж совсем невозможно допустить чтение явно слабых чужих стихов. Ибо «Песнь черкеса», в списках постоянно встречаемая с именем Пушкина, — это стихи В. Н. Григорьева, напечатанные в 1826 г. и получившие затем большую и вовсе не заслуженную популярность². Итак, в отношении «Цели нашей жизни» ссылка исследователя на Вяземского лишается силы.

Второе, что вызывает сомнения, — произведенное Даниловым ограничение круга возможных авторов. Совершенно убедительно

1 Пушкин. Исследования и материалы: Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. С. 312.

2 Календарь муз на 1826 год, изданный А. Измайловым и П. Яковлевым. СПб., 1826. С. 11; перепечатано (с подп.: В. Г.): Сын отечества и Северный архив. 1834. № 11. С. 139. Автограф этого стихотворения — РНБ (ГПБ). Ф. 225 (В. Н. Григорьева). № 11 и в рукописном сборнике Григорьева «Прегрешения моей молодости» (Ф. 225. № 9). О популярности его см., напр.: Макаров Н. Мои семидесятилетние воспоминания... СПб., 1881. Ч. II. С. 132—138.

исключение из них Кюхельбекера, значительно менее — Дельвига, и вовсе неубедительно — Илличевского. То, что он был автором прозаического рассуждения, отнюдь не могло помешать ему написать на ту же тему стихи; скорее напротив. Дидактическая поэзия не была ему чужда в лицейские годы, — более того, он чувствовал к ней тяготение, и все его сколько-нибудь крупные стихотворные сочинения, известные нам, принадлежат к дидактическим или описательным жанрам, а позднее он охотнее всего писал басни и апологи. Он вовсе не случайно выбрал для перевода и «Ирин» Э. фон Клейста — идиллию с обнаженно дидактическим началом. И столь же закономерно В. В. Данилов именно в «Ирине», того же 1814 г., нашел строку, совпадающую текстуально со строкой из «Цели нашей жизни».

Если мы обратимся к полному тексту «Ирина», мы найдем значительно больше точек соприкосновения.

Идиллия Клейста начинается с разговора рыбаков — старика-отца и сына, приученного отцом замечать красоты природы, — «дивиться чудесам прелестным естества, // Дивиться мудрости и славе Божества», — дополняет Клейста его русский переводчик, подчеркивая как раз ту идею, которая лежит в основе «Цели нашей жизни». И далее вслед за оригиналом он начинает свои описания. Как мы помним, именно так строился соответствующий фрагмент «Цели...». Любопытно сравнить здесь перевод с оригиналом Клейста: отличия очень симптоматичны.

Клейст пишет: «Как приятно там, на берегу, в роще шепчет боязливая листва стройных осин, и как прелестно струятся (fließt) зелеными волнами посева, и шелестят, мягко колеблемые ветерком».

Илличевский опускает «осины». Ему нужен пейзаж обобщенный, без конкретных деталей, типовой — такой же, как неизвестному автору «Цели...». Но он сохраняет упоминание о «жатве»:

А тамо ветерок прохладный и игривый
Колеблет и гнетет колосья тучной нивы
И жатва золотом струится как волной...

Именно так писал неизвестный автор псевдопушкинских стихов: «И тихо зыблемый дыханьем ветерка // По нивам желтый клас струится». Если же мы обратимся к другому переводу Илличевского — «Весенний вечер» (1815) — из III песни «Весны изгнанника» Мишо, — то отыщем в нем предшествующую строку: «И тихим ветерка гонимая дыханьем...» (Грот. С. 184).

Это очень похоже на автореминисценции — с одним, впрочем, уточнением. Первый поэт начальных лет Лицея и здесь подражает. Он подражает Державину, как это делал и автор «Цели...».

У Державина в «Изображении Фелицы»: «Шумя, младых бы класов волны // Переливались ветерком».

В «Источнике» еще ближе:

Гора, в день стадом покровенну,
Себя в тебе, любуясь, зрит,
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Поэтому-то «солнца луч румянит небеса» в «Цели нашей жизни» и то же выражение в пушкинском «Фавне и пастушке» не связаны

прямо друг с другом, как казалось Данилову. «Румяный» — любимый эпитет Державина. «Твой чертог едва заря// Румянит сквозь завес червлёных»; «Румяна вечера заря» («Вельможа»); «румяный луч зари» («Водопад»), «Весенняя утренняя заря <...> Румяный взор свой ослабляет» («Благодарность Фелице»), «Блестает// Румяною зарей в ночи» («На смерть графини Румянцевой»).... У Илличевского в «Ирине» тоже появляется «на самом западе румяная заря».

И едва ли не к Державину восходят отчасти те образы, которые содержатся в другой строфе из «Цели нашей жизни», остановившей внимание Данилова, — о скупце, услаждающем свой взор богатствами недр Сибири. «Сибирски горы серебра» упоминал Державин в послании «К первому соседу»; что же касается «Скупого рыцаря», то в нем присутствовала скрытая ассоциация с державинским посланием «К Скопихину»¹. Но еще важнее, что вся эта строфа имеет совершенно особый источник, который снова ведет нас к Илличевскому. Она является парафразой из той самой III песни «Весны изгнанника», отрывок из которой он переводил. «И золото, царь металлов, скрывает под землей свой блеск, слишком опасный для человеческого спокойствия»².

Но нам пора вернуться к переводу «Ирина».

Как и в «Цели нашей жизни», картины природы здесь иллюстрируют идею предустановленной гармонии. «Как все прекрасно! и сколь веселыми и счастливыми делает нас Природа!»

«Ты прав! ты прав,— вещал Ирин, прервавши сына:
Одна природа нас счастливыми творит,
Коль свято честности уставы наблюдаем,
Страстям противимся, пороки побеждаем,
Коль правда нашими устами говорит»³.

Здесь оба стихотворения достигают предельной точки сближения. Она возникает там, где появляется излюбленная мысль Илличевского, сформулированная и в его лицейском прозаическом сочинении «Скорое исполнение должностей доставляет чистейшее удовольствие» (1814): «Счастлив только тот, кто окружен зрелищем блаженства и изобилия; таков муж благодетельный. Где он ни находится, везде творит счастливых»⁴. А далее — в рекомендациях Ирина, как сделаться «благодетельным», — появляется уже очевидная реминисценция и, смеем думать, автореминисценция, которую заметил Данилов, но объяснил общностью источника:

Трудом и ревностью содействуй благу света!

Мы можем на этом закончить наш анализ, оставив в стороне сопоставления более частные. Лицейское стихотворение «Цель нашей жизни», с учебным назначением, относящееся к 1814 г. и ходившее в списках под именем Пушкина, не имеет, на наш взгляд, прав на присутствие в изданиях пушкинских сочинений даже как приписываемое ему, ибо мы можем с большими основаниями выдвинуть кандидатуру иного автора. Этот автор — Алексей Дамианович Илличевский, в круг сочинений которого «Цель нашей жизни» входит как естественная и органическая часть.

1 <Алексеев М. П.> <Примечание к заметке И. И. Грибушина «К „Скупому рыцарю“»>. — Временник Пушкинской комиссии, 1973. Л., 1975. С. 84—85.

2 Le printemps d'un proscrit, suivi de l'enlèvement de Proserpine, sixieme éd., revue et corrigée; par M. Michaud. P., 1811. P. 84.

3 Грот К. Я. Пушкинский лицей... С. 136.

4 Там же.